

Никита снова повторил «как голубой»; и вслед за этим сказал «тискаешь меня, как девку», не замечая явного противоречия в своих словах: если «как девку», то при чём здесь «голубой», а если «голубой», то тогда при чём здесь девка... «не ложись с мужчиной, как с женщиной»? Кажется, так говорится в одной постоянно популяризуемой в коммерческих целях книжке... как с девкой - не ложись, не надо; мужчины так называемой гетеросексуальной ориентации, попадая в замкнутые мужские сообщества, будь то армия или тюрьма, нередко ложатся с мужчинами как с женщинам - более сильные повсеместно насилуют более слабых, предпочитая на время забывать про свою «правильную ориентацию», и из всего этого действительно получается мерзость... кто б с этим спорил! Не ложись с женщиной, как с женщиной... не ложись! А с мужчиной как мужчина, не как с женщиной - как парень с парнем? То-то и оно... лукавая фраза!

Впрочем, Никита сказал «к а к голубой», и хотя в этом союзе «как», имеющим сравнительное значение, изначально присутствовала уловка, свидетельствующая либо о полном профанстве говорящего так, либо о его сознательном лукавстве, Андрей сразу отмёл мысль о Никитином лукавстве... шестнадцатилетний Никита был банально несведущ в психологии так называемых «ориентаций», никогда не акцентируя своё внимание на этой теме применительно к себе - не мороча этой темой себе голову, и этим объяснялось всё его поведение с того момента, как он проснулся.

- Никита... тебе что - неприятно всё это? - спросил Андрей, напряжением мышц удерживая Никиту под собой - вдавливая его пахом в матрас; уже спросив, Андрей запоздало сообразил, что спрашивать Никиту так - в лоб - было бы не нужно, потому что он сейчас скажет в ответ, что «да, неприятно», и все: слово «неприятно» будет им, Никитой, произнесено, а дальше он может запросто уцепиться за него, уже не думая - не пытаюсь разобраться в своих ощущениях.

- А почему... почему мне это должно быть приятно? - отозвался в ответ Никита, и Андрей обострённым чувством вживания в Никитину логику уловил-понял, о чём Никита у него спрашивает.

- Действительно... почему тебе это должно быть приятно? - глядя на Никиту, Андрей озадаченно хмыкнул, при этом комично изобразив озабоченность на лице. - Ты считаешь, что тебе это приятно не должно быть... ну, никак не должно быть тебе это приятно! А между тем... между тем, Никита, тебе это приятно... вот ведь незадача какая! Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... - Андрей рассмеялся и, не давая возможности Никите что-либо сказать в ответ, тут же спросил его сам: - Тебе сколько лет, Никита?

Андрей знал от Игоря, что Никита учится в одиннадцатом классе, а значит лет Никите не меньше шестнадцати, и, тем не менее, Андрей задал Никите вопрос о возрасте, чтоб задать ему вопрос следующий.

- Ну, шестнадцать... скоро будет семнадцать - и что с того? - отозвался Никита, не совсем понимая, при чём здесь возраст.

- Шестнадцать... скоро будет семнадцать... - словно эхо, повторил-проговорил Андрей, глядя на лицо Никиты вдруг устранившимся - отстранённым - взглядом. - Это хорошо... это очень хорошо! А то я сейчас испугался - ненароком подумал...

Андрей умышленно замолчал, и Никита, не дождавшись окончания мысли, первым нарушил паузу - спросил, подозрительно глядя Андрею в глаза:

- Чего ты испугался?

- Я вдруг подумал сейчас... подумал: а не педофил ли я, позволив тебе кайфовать со мной? Блин... такая вот мысль пришла мне в голову!

- Ха! - не замедлил с ответом Никита, мысленно удивляясь Андреевой неосведомлённости по этой части. - Педофилы трахают маленьких, совращают-насилуют малолеток... я что - малолетка, что ли?

- Вроде как нет... не малолетка, - улыбнулся Андрей той живости, с какой Никита отреагировал на его хорошо изображенное сомнение. - Писюн у тебя о-го-го... не малолетний писюн - не маленький! Так вот... и писюн у тебя нормальный, и лет тебе шестнадцать, и даже почти семнадцать, а только, Никита... чего ты такой наивный? Или в вашем городе Незалупинске все такие наивные - простые, как ты?

- Почему это я наивный? - отозвался Никита, и в голосе его прозвучала невольная - едва различимая - обида... глядя на Андрея, Никита вдруг подумал - внезапно поймал себя на мысли - что ему совсем не хочется выглядеть в глазах Андрея малолетним недоумком.

- Потому что, Никита, в твоём возрасте многие парни между собой не только виртуально, а и реально кайфуют - с наслаждением трахаются, тащатся... короче, имеют полноценный секс - по полной программе. А ты... ты - как с Луны свалился! Смотри...

Андрей, сжимая ягодицы - с наслаждением вдавливаясь пахом в пах Никиты, волнообразно задвигал бёдрами, плавными наездами медленно скользя взад-вперёд по Никитиному телу; ягодицы Андрея, играя ямочками, под раскрытыми ладонями Никиты словно ожили - зашевелились, то уменьшаясь-затвердевая, то вновь наполняясь сочной упругостью, - двигая задом, Андрей неожиданно опустил голову вниз - и Никита, тут же ощутив на своей шее обжигающе жаркое прикосновение Андреевых губ, невольно содрогнулся от удовольствия... Может, минуту, а может быть, две минуты Андрей сладострастно мял Никиту, с нескрываемым наслаждением вдавливаясь в него всем телом, горячими губами он скользил по Никитиной шее, и все это время Никита, не убирая ладони с Андреевых ягодиц, лежал под Андреем с раздвинутыми, широко разведёнными врозь ногами, испытывая не просто

удовольствие, а сладостью полыхающее во всём теле вполне конкретное - сексуальное! - наслаждение... он, Никита, не должен был это наслаждение испытывать, но оно было, оно наполняло всё его тело неизъяснимой сладостью - и что-либо сделать с этим, как-то этому воспротивиться он не мог... и не мог, и не хотел - это был кайф!

- Вот так, Никита... - Андрей, отрываясь от Никиты - вновь приподнимая голову, посмотрел Никите в глаза, и во взгляде Андрея Никита увидел что-то такое, жаром проникающее в душу, отчего у него, у Никиты, сладко дрогнуло сердце; секунду-другую они молча смотрели друг другу в глаза... наконец, улыбнувшись, Андрей весело и вместе с тем уверенно произнёс-проговорил: - Мне, Никита, такое нравится - мне это в кайф... и тебе это в кайф - тебе тоже по кайфу... ну, и какой из этого следует вывод?

Никита, не отвечая, смотрел Андрею в глаза, но взгляд Никиты был снова обращен во внутрь - в самого себя... да, ему, шестнадцатилетнему Никите, ученику одиннадцатого класса, никогда ни о чём таком не думавшему, было приятно... и не просто приятно, а было очень приятно - отрицать это было бессмысленно... отрицание было бы ложью, а ложь - убежище трусов, - он, Никита, трусом себя не считал... и «какой из этого следует вывод», Никита в общем и целом уже понимал - теперь, когда всё вдруг прояснилось: и почему он проснулся голым, и почему Андрей, только проснувшись, тут же полез его лапаты... он по-прежнему не помнил, как и что они делали ночью, и потому, лёжа сейчас под Андреем, он не мог в деталях представить, как именно это может происходить, если вдруг сейчас будет происходить, но в общем и целом... в общем и целом Никите было понятно, что значит «орально» и «анально»... хоть «анально», хоть «в жопу» - суть от этого не менялась! Непонятно Никите было другое: почему это так приятно ему, Никите, никогда о таком не то чтобы не мечтавшему, а даже не думавшему - никогда о таком не помышлявшему?

- Эй! - шутливо окликнул Никиту Андрей; в общем и целом понимая, о чём парень, лежащий под ним, может думать-гадать в данный момент. - Ты на связи, Никита? Не отвлекайся... - Андрей рассмеялся, горячо вдавившись в Никитин пах напряженно твёрдым членом. - Проснись и пой!

Обрывая собственные мысли, Никита вновь переключил внимание на Андрея, и... странное чувство охватило Никиту, - Андрей смотрел Никите в глаза, и было во взгляде Андрея что-то такое необъяснимо манящее, тёплое и щедрое, искренне радостное, отчего Никита вдруг почувствовал в груди странное - сладостное - томление... всё было в кайф: и лежать под Андреем, чувствуя на себе горячую тяжесть его обнаженного тела, и ощущать вдавившуюся в пах горячую твёрдость напряженного Андреева члена, и видеть перед собой лицо Андрея, ставшее вдруг притягательно симпатичным... в кайф было всё, и это ощущение кайфа было всеохватывающим, но даже не это было странно, а странно было то, что сам вопрос, почему это приятно, неожиданно затушевался, скукожился, отступил на задний план - стал несущественным... вопросительно глядя Андрею в глаза, Никита произвольно сдвинул ладонями Андреевы ягодицы, и ощущение их сочной упругости тут же отозвалось приятной ломотой в напряженном Никитином члене, - все было и странно, и непонятно, и вместе

охуительно приятно... всё было в кайф!

Чутко всматриваясь в Никитино лицо, Андрей уловил перемену в настроении Никиты, - опираясь на локоть левой руки, правой рукой Андрей скользнул вниз, одновременно перемещая своё тело влево - съезжая с тела Никиты в сторону... и - не успел Никита сообразить, что может значить это движение и что может за этим случиться-последовать, как тут же почувствовал на своём члене горячие пальцы Андрея, - вопрошающе глядя Никите в глаза, Андрей обхватил Никитин член ладонью, легонько сжал его, ещё больше сдвигая к основанию крайнюю плоть...

Конвульсивно стиснув мышцы сфинктера, Никита замер от удовольствия, не пытаясь освободиться, член у Никиты, школьника-одинадцатиклассника, был ничуть не меньше, чем член у Андрея, студента-пятикурсника, - сжимая в ладони полыхающий жаром твёрдый ствол, Андрей приблизил своё лицо к лицу Никиты, и Никита снова ничего не успел сообразить, как губы Андрея, коснулись его, Никитиных, губ - и Андрей, продолжая сжимать член Никиты в ладони, накрыл Никитины губы своими, обволакивающе теплыми, умело вобрал его губы в рот, лаская их изнутри круговым движением языка... «писец!» - мелькнуло в голове Никиты одно-единственное, но совершенно универсальное, на все случаи жизни пригодное слово, и чего было больше в этом коротком слове - растерянности или удивления, неосознаваемой радости или невольного испуга - Никита не смог бы определить сам, - тиская ладонью липкий Никитин член, Андрей страстно, жадно сосал Никиту в губы, и это было не просто приятно, а это был кайф... настоящий кайф!

Минуту... или две... или даже три минуты, если не все четыре, а то и пять, если не шесть, Андрей жарко целовал Никиту в засос - сосал его в губы, и всё это время Никита совершенно произвольно, не отдавая себе отчёта, легонько тискал, гладил, мял ладонями Андреевы ягодицы... наконец, оторвавшись от губ Никиты, Андрей приподнял голову - и взгляд Никиты, вопрошающий и вместе с тем чуть осоловевший от наслаждения, встретился ликующе искрящимся, радостно счастливым взглядом Андрея - секунду-другую они смотрели друг другу в глаза, ничего друг другу не говоря; первым нарушил молчание Никита - спросил, облизывая чуть припухшие губы:

- Ты голубой?

Слово «голубой» прозвучало без слова «как»; вопрос был естественный - закономерный и неизбежный, в той или иной форме задаваемый всегда и везде, и, тем не менее, вопрос этот прозвучал неожиданно, и неожиданно он прозвучал, прежде всего, для самого Никиты - вопрос, в общем и целом предсказуемый, сорвался с губ Никиты спонтанно, совершенно непреднамеренно, сам собой, причём в интонации Никитино голоса не было ничего такого, что могло бы придать двум прозвучавшим словам, обращенным к Андрею, хоть какое-то внятно значимое отношение к тому, о чём Никита прямолинейно - в лоб - спросил; «ты голубой?» - задал Никита вопрос Андрею, и в голосе его было одно любопытство, лишь любопытство, и не более того, как если бы он спросил у Андрея, любит ли Андрей бананы, никаким образом при этом не вкладывая в вопрос про бананы какого-либо сокровенно значимого смысла-значения.

Андрей уловил это естественно - не нарочито - спокойное отношение Никиты к теме голубизны, мысленно отметив про себя, что при такой абсолютной невовлечённости в тему не было ничего удивительного или странного в том, что Никита, сам голый, сам возбуждённый, лёжа под голым возбуждённым парнем, до последнего не мог понять, что о всё это может значить... и это при том, что ночью, будучи пьяным, он исполнял по полной программе - не просто в рот-зад перепихнулся, как это нередко бывает с парнями в состоянии опьянения, а трахался с полной самоотдачей... бывает же так! Вот и думай после этого, что такое голубизна, и кого можно к голубым отнести, а кого - нет... лёжа под Андреем, Никита смотрел Андрею в глаза - ждал ответ не заданный вопрос.

Андрей, невольно любуясь Никитой, улыбнулся - Никита нравился Андрею всё больше и больше... определённо нравился! И оттого, что Никита ему нравился, хотелось не только трахать его, не только дать ему оттрахать себя, как это было ночью, а хотелось... хотелось просто лежать с ним рядом - обнимать его, целовать, ласкать, разговаривать с ним, смотреть ему в глаза, выдыхая-шепча его имя: «Никита...»

- Никита... ты спрашиваешь меня, голубой ли я, - Андрей, продолжая улыбаться, сделал секундную паузу. - Скажи мне, Никита... если я сейчас отвечу тебе утвердительно - скажу тебе, что «да, я голубой», то... от этого что-то изменится?

- Не знаю - отозвался Никита, и по интонации его голоса и по взгляду, снизу вверх устремлённому на Андрея, было понятно, что он действительно не знает. - А что должно измениться?